

Владимир Александрович Шадрин родился в Орске в 1959 году. После службы в армии трудился на заводах и стройках города. Его стихи печатались в городских и областных газетах, в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Москва», «Молодая гвардия».

Владимир ШАДРИН

ТЕМА ЖИЗНИ

Оренбургские
ПОЭТЫ

Владимир
ШАДРИН

ТЕМА ЖИЗНИ

ВЛАДИМИР ШАДРИН

ТЕМА ЖИЗНИ

Стихи

Оренбург 2016

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Ш 16

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и правления Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Автор выражает благодарность
Петру Николаевичу Краснову
и Виталию Митрофановичу Молчанову
за помощь в издании этой книги

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Ш 16

Владимир Шадрин. Тема жизни. Стихи. –
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2016. – 56 с.

© Владимир Шадрин, стихи, 2016 г.
© Оренбургское региональное отделение
Союза российских писателей, серия, 2016 г.

*Сей мир быстрее катится во тьму,
Когда ему поэты ни к чему.*

Владимир Шадрин

В навязчивой какофонии рифмованных текстов, льющейся в наши глаза и уши со страниц многочисленных газет, журналов, альманахов, бьющей неиссякаемым графоманским потоком с псевдолитературных интернет-сайтов, порталов и экранов телевизоров, опускающейся до зияющих вершин словоблудия, большая удача разглядеть и расслышать редкий чистый голос настоящей поэзии — поэзии негромкой, по словам автора Владимира Шадрина, но необыкновенно трогательной и проникновенной.

Мелодия стихотворений, вошедших в сборник «Тема жизни», близка каждому думающему и слышащему читателю, в ней гармонично переплелись звуки родной природы, неразрывно связанные с судьбами персонажей книги. Кажется, что природные явления подчеркивают особенности характеров литературных героев, да и сам лирический герой произведений Владимира Шадрина узнаваем и даже автобиографичен — это наш современник, человек талантливый, пришедший к пятидесятилетнему порогу, настоящий сын провинциальной, корневой России, лишенный самолюбования и хвастовства, ханжества и позы, пропускающий через равнодушное сердце свое все взлеты и падения великой державы. Времена года сменяют друг друга, время несется с непостижимой скоростью, а человек этот живет на родной земле, любит каждый лист на дереве, каждую птицу в небе. После тяжелого трудового дня он приходит домой, где его ждут верный пес и ласковый кот, и садится писать прекрасные стихотворения, посвященные вечной теме жизни — любимой Родине...

«...Не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия», — писал Иван Сергеевич Тургенев. Стихотворения, вошедшие в сборник Владимира Шадрина, являются ярким подтверждением слов классика. Они живые, чувствующие и дышащие, заставляющие мыслить и сопереживать.

Виталий МОЛЧАНОВ

* * *

Что нас заставляет писать: необычный размер,
Навязчивый ритм, устремляющий ввысь или вниз,
Иль сильное чувство (несчастной любви например),
Иль невыразимой обрывочной мысли каприз?
А может, поэзия нас выбирает сама?
К примеру, когда все дороги снега замели,
И всюду такая большая глухая зима!
А ты вдруг возьмешь и напишешь:

«Летят журавли»!

Напишешь и ясно увидишь сквозь эти снега –
Веселое лето к тебе устремилось смеясь.
И точно –

Летят журавли, и в цветах берега,
И вспыхнул в реке серебристо-рубиновый язь.
Все ясно и чисто, и нет в этом чуде греха.
Лишь чувства и мысли, и образы, близкие им.
И жизненный ритм зарожденного в сердце стиха
Точь-в-точь совпадет с участившимся пульсом

ТВОИМ.

* * *

И, наконец, февраль задул всерьез,
Убрав улыбки с занемевших губ.
А снег свистит, и силится мороз,
И быстрый пар уносится из труб.
Скорей домой! Вот ключ, что много лет,
А также зим знаком моей руке.
И вспомню вдруг, что кофе в доме нет,
Не говоря уже о коньяке.
Нет коньяка?

Пусть будет посему!

Но есть в душе предчувствие весны.
Небрежны мысли к быту моему,
Хотя вселенских замыслов полны.
Повсюду снег. Порывы февраля
Совсем дорогу к дому замели.
И вдруг увижу дивные поля,
Где на цветках качаются шмели!
Здесь на морозе замерзает плоть,
А там в полях такой медовый дух!
Два бытия мне подарил Господь.
Что ближе мне?

Которое из двух?..

Один

Он счастлив был бы оказаться в робе
И жить трудом бетонщика, пусть нище,
Но жить и быть! А не остыть в сугробе
За сто холмов иль в шаге от жилища.
«Как там сейчас прекрасно! Как прогрето!
А ведь казалось прежде – скучновато...» –
Он думал так, недавний привереда
И собиратель антиквариата.
Он молча сел бы где-нибудь у стенки,
Отринув беспредельные хотения,
Ловя сиюминутности оттенки,
Ее прожилки и переплетения,
И недооцененные отрады
Навеки ускользящих мгновений,
И не восторга даже, не награды,
А просто жестов, соприкосновений!
И не любви, и не признаний даже –
Всего лишь слово чуткое. Любое!
И, как предел мечтаний, просто чаши
С отваром липы или зверобоя.

О, как бы он светился, понимая,
Что нам для счастья только то и нужно!..
Но лишь метель, глухая и немая,
Вокруг гудит бесстрастно, равнодушно.
И хороводит снежные цунами
Слепой природы сумрачная сила
Вокруг того, что происходит с нами,
Того, что будет, и того, что было...

Март

Повадки февраля уняться не успели,
На улицах снега, как прежде, холодны.
Но крики воробьев и музыка капли
Спешат преподавать теорию весны.
До будущей поры отложены вязанья,
Насущные дела, беседы за столом...
Сидеть и ждать весну – такое наказание!
К ней хочется бежать навстречу, напролом.
В минувшем оставлять хандру и огорчения,
Увенчивать весной стремления и ум.

И хочется срывать с расчетов облачения
И пролагать пути до счастья наобум.
Предчувствием полны и снега одеяло,
И сад, и дом, и стол, и стулья, и кровать....
Когда мечта весны природу обуяла,
Не время унывать, скучать, недомогать.
А ветер говорит заждавшейся Отчизне
О том, что власть весны уже недалеко,
И молодость спешит заимствовать у жизни
По статусу творца, а не временщика.

Ледоход

Взрывает реку бурная весна.
В водоворотах ледохода пальцы
Ломают лед...
    И, чувствами полна,
Хозяйка взгляд отводит от окна,
Задумавшись о хвором постояльце.
Он бую щетиною зарос,
Неделю привыкая к нездоровью.
Он к ней забрел негаданно в мороз,
Он застудился, кажется, всерьез
И вот озноб выкашливает с кровью.
И вот хрипит, что хоть теперь бы смог
Пуститься в путь, иль в пляс – мол, все едино.
Хозяйка крошит травы в чугунок
И думает, что путник одинок,
Как в ледоход заброшенная льдина.
Ну а пока он лечит табаком
Хрипящее застуженное горло,
Там, за окном, весна спешит рывком
В распахнутое лето напрямиком,
И глотку русла льдинами расперло.

* * *

А природа светла и ясна,
Так проста, что не выдумать проще.
И играет этюды весна
На рояле березовой рощи.
В них мотивы зари и любви,

И аккорды кружатся и тают.
Ах как чудно поют соловьи!
А березы летают, летают!
И летят облака не спеша,
Высоко, безмятежно и чисто,
И летит от восторга душа
На смычок соловьиного свиста,
На мотивы любви и зари...
Сколько света, веселья и пыла!
Посмотри, посмотри...
Ты смотри –
А ведь лето уже наступило!

Весна на Урале

Благословенная пора!
Весь мир лучами заиграл.
В рубахе солнечной с утра
Я вышел в поле за Урал,
В веселый край озер и рек,
Вишневых зорь и светлых рос...
И вот, поживший человек,
Стою я в поле у берез.

Цвети, уральский уголок,
Сияй, земная красота!
Дивясь, Творец тебя облек
В неутолимые цвета.
Так распускайся и живи
Для удивительных людей.
Пусть в каждом сердце о любви
Играет Моцарт Амадей!

Пусть озарится жизнь моя
И вновь пройдет передо мной
Густой палитрой бытия,
Веселой музыкой земной,
Где мир цветами разодет,
Где гимн счастливого скворца
О том, что жизнь и этот цвет,
И это поле – без конца!

* * *

И закончился май, и отцвел, и померк,
Исчезая в потоке июньской воды.
И закончилось лето, как дождик в четверг,
Забывая задумки свои и плоды.
Так теряется утренних дум городьба.
Лишь почувствовав ночь, запоют петухи,
И представится вдруг, что и быт, и судьба –
Это просто наброски, отрывки, штрихи.
Это просто шаги.

Каждый день, каждый час
Среди произвольности и заварух
Безоглядное время уходит от нас,
Отвлекая приметам зренье и слух.
Заменяя жару на осеннюю хмарь,
Подавая не дождь, а мороз к четвергу.
И уходит декабрь, и приходит январь,
И летят снегири на рябины в снегу.
И в штрихах раскрывается сущность сама,
Проявляясь для нас наподобие сот...
Скоро будет рассвет, где исчезнет зима,
И родится весна.

О судьбы эпизод!

Скамья

В один из тех весенних дней,
Какими радует земля,
Тот человек, что шел по ней,
Был капитаном корабля,
Был не в одном морском бою
(С тех пор немало лет прошло).
Он сел неловко на скамью –
Внезапно сердце подвело.
Он думал: «Кабы не война...»,
И о друзьях, и о семье.
О том, что вот опять весна...
И умер, сидя на скамье.
А по течениям весны
Все прибывал веселый гул.
И думал всяк со стороны,
Что на скамье старик уснул.

О чем-то славном и крутом
Кричал проказник молодой.
Мечтала девушка о том,
Что станет оперной звездой.
Была скамья совсем близка,
Над ней – береза с соловьем.
И всяк, кто видел старика,
Беспечно думал о своем.
А дух сирени рос и нес
По свету весть о Молодом.
И молодой веселый пес
Махал хозяевам хвостом.
Шептал жених: «Навек моя!»
Ловя ответ: «Твоя навек!»
А мимо них плыла скамья,
Где спал нездешний человек.

* * *

Солнце поднялось. Уже давно
Вьются пчелы по цветущим сливам.
Человек открыл во двор окно,
Он решил сегодня быть счастливым.
«Ах какой чарующий покой!
Ох как я люблюсь, как ликую!
(У соседа дом – вот мне б такой,
И машина – вот бы мне такую...)», –
Помечтал он о житье чужом,
Да и к своему качнулась дума.
Он сидел, в раздумья погружен,
И молчал, набычившись угрюмо.
Позади дневная благодать,
Звезды над усадьбами повисли...
Человек счастливым хочет стать,
Да мешают собственные мысли.

* * *

Работы нет. В кармане – четвертак.
Туда-обратно на маршрутке, может?
Но в час хандры не говорите так,
Что этот день иль час напрасно прожит.
Уже курить как будто бросил я,
Но машинально зажигаю спичку.
Не так ли жизнь в рутине бытия

Теряет смысл, переходя в привычку?
И я ищу. И я в себе несу
В томах раздумий тяжесть и улыбку.
Вот славный пес, он держит на носу
Созвездие, похожее на скрипку.
Весь вид его мне говорит о том,
Что этот день промчался не напрасно.
Он добрый пес...

А вот знакомый дом!

А значит, жизнь действительно прекрасна!
Ведь это дом, в котором ты живешь!
Счастливая, я приготовил фразу:
«Откроем зонт, пускай начнется дождь
Такой, что и не остановишь сразу!»
Ищите смысл. А будет он тяжел,
Его сведите с выдумкой живою.
И коли нужно, чтобы дождь прошел,
Скорей закройте зонт над головою.
И станет ночь прозрачна и чиста.
Как много звезд! И мы чисты под ними!
А на носу у пса горит звезда,
Как на смычке маэстро Паганини.

* * *

Подобно крепкому ознобу,
Трясет и Штаты, и Европу.
Вновь кризис этот мир на пробу
Бросает в грохоты нужды.
Но с упоением, без страха
Экономического краха
О счастье трель выводит птаха,
Не признавая нищеты.
Туда-сюда, многоголосы,
Из сада в сад летают осы.
На ветерке поет про розы
Сухой березовый нарост.
И я, ценя картину эту,
Иду к знакомому поэту,
Что, как положено поэту,
И незажиточен, и прост.
Бунтуют кризиса страдальцы,
Скорбят комфорта постояльцы,
Их быта бархатные пальцы
Все чаще жестки и лихи.

Ведь кризис длится, нарастая,
Печальны вести из Китая...
А мой поэт живет, мечтая,
И пишет новые стихи.

Его пожитки небогаты,
Под ним простой матрац из ваты,
Не вышел он в лауреаты,
Хоть с вдохновением на «ты».
Но с ним живет кутенок куцый,
А в сердце – Пушкин и Конфуций.
А за окном ликует птаха,
Не признавая нищеты.

* * *

Как хорошо в уральском городке
Гулять с собакою на поводке,
Чтоб принимать настой воздушных ванн
И представляться всем: «Шатобриан!».
Чтоб говорить, как славно я живу,
Ударом трости поддевать листву.
Чтоб всех, с кем я приятельски знаком,
Встречал мой пес сценическим баском.
Опять буза в Каире, говорят.
Опять руины в Сирии горят.
Сильней, чем прежде, Запад и Восток
Хотят друг друга взять на поводок,
Чтоб с верным псом на крепком поводке
Подумал я в уральском городке:
«Сей мир быстрее катится во тьму,
Когда ему поэты ни к чему».

Бочка

Если выпала хмурая дата,
Где и чувства, и мысли вразброд,
И задор провалился куда-то,
Как ушедший в загул сумасброд,
Пребывают в хандре откровенной
И лакей, и сановный делец,
Лишь пылает поэт вдохновенный,
Что, творя, издержался вконец.
У него только слово да чувство –

Это все, чем заведует он.
У поэта достатка не густо,
Он деньгами не обременен,
Но зато озаренности вволю...
У судьбы хитроумный безмен,
И поэт вдохновения долю
Получает достатку взамен.

Значит, рано нацеливать точку.
Пусть богач под охраною спит,
А поэт и порожнюю бочку
К мирозданию приноровит.
Станет в ней сигареткою пыхать,
Выпуская колечки в июль.
Вдохновения странная прихоть
Посильнее снотворных пилюль.
В нем стремление и проволочка
Сведены, как Христос и Пилат.
И летит мироздания бочка
Сквозь согласие судеб и разлад.

Оркестр

В душе и невзгод, и желаний – с лихвой.
А где-то играет оркестр духовой,
Вращая неостановимый мотив
Надежд и предчувствий, и ретроспектив.
Он нам говорит, на лету трепеща,
Что жить на земле веселей сообща,
Что дух упований непреоборим,
И мы о заботах земных говорим.
Покуда не надобен зонт или плащ,
И день безмятежен и плодоносящ,
И кружится, кружится, нетороплив,
По золоту блюбочка белый налив.
И мы наблюдаем, как движется он,
И разум невзгодами не замутнен,
И небо возвышенно над головой!
Там где-то играет оркестр духовой.

* * *

Когда сигналият дальние зарницы
О том, что время сумерек пришло,
Так хорошо с друзьями воротиться
В холмами окруженное село,
Где образы из будущих стихов
И проза предначертанного быта,
Где высота созвездьями покрыта,
Звенящими от криков петухов,
И дух жилья...

И станет веселей
От чуда, обитающего рядом,
Где в ульях песни солнечных полей
И око полнолуния над садом.
И далеко пока что до зимы.
А в жизни ничего еще не поздно,
И так волшеббно-вдохновенны мы!..
И пальцы Бога сыплют на холмы
Земной полынью пахнущие звезды.

* * *

Навалилась смута,
Словно умер кто-то.
Мне приснилось, будто
Я попал в болото.
Как черно и глухо!
Я на свет рванулся –
Вот ведь невезуха!
И в момент проснулся.
А виденья эти
Увязались следом,
Не пойму – на свете
Я на том иль этом.
За окошком хмурым
Повседневность пела,
Что проснуться утром –
Непростое дело...
Выйду в чисто поле:
«Поле, как живется?»
Кликнуть счастье, что ли,
Может, отзовется?
Напрягаюсь слухом,
Соревнуюсь с музой:
«Ж-жи-з-знь...» – поет над ухом

Шмель золотопузый.
Напрягаюсь взглядом
Сквозь туман белесый
Вдаль...
А счастье рядом –
У ольхи с березой.

Лужи под ногами

И вот тогда он помрачнел слегка,
Быть может, от излишка коньяка
С закусками, воспоминаний вроде.
В глазах его, придя издалека,
Окрепла неподкупная тоска,
И он изрек, что счастья нет в природе.
А ведь когда-то верил, говоря,
Что жизнь в покое прожита зазря.
Что неизменно, даже и старея,
Он будет отвергать мещанства плен.
И вот поди ж ты – мебель, гобелен
И прочая мура-галантерея.
И, загоревшись вдруг, сказал: «Уйдем!
Мы будем мыться в реках, под дождем,
И никогда – ты слышишь! – в мелкой ванне;
Свободные, как в лучшие года!
А в этот быт я больше никогда...» –
Так и уснул с улыбкой на диване.

Пускай он спит. А я ушел тогда.
Уходит всё: стремления, года...
И незачем удерживать натужно
То, в чем равно и боль, и благодать,
Которых нам, увы, не разгадать.
А может, и разгадывать не нужно.
А просто жить, как есть, из года в год
И верить в цвет и в птичий перелет,
Что в жизни есть и было изначально.
Порой готово все для счастья, но
Оно всегда для нас сопряжено
С тем, что и безысходно, и печально.
Я шел и шел. Неслась по небу дрожь,
Катился гром и начинался дождь.
Перекипало небо в птичьем гаме.
Я шел вперед. До дома – далеко.

И вдруг на сердце сделалось легко.
И ничего, что лужи под ногами.

Флейта

Оставить быта сумрачную клетку
Из древесины, камня и железа.
И, обработав брошенную ветку,
Примерить губы к розовости среза,
Чтоб содрогнулась хляби сердцевина
И стала ветка флейтою певучей,
И бесконечных тягостей лавина
Перерождалась в творчество созвучий!
Творить, когда уже не видно света
От туч и бедствий, лезущих натужно.
Творить, и пусть несовершенно это
И лишь тебе единственно и нужно!
Не ожидая почести и приза,
В ненастье светом вдохновенья брызни,
И тот огонь, казалось бы, каприза
Осветит путь и станет смыслом жизни!
И скажет некто, проходящий мимо:
«Как это чудно!»

И добавит кто-то,
Что эта флейта всем необходима...
А ты не ждал такого оборота.

* * *

Мне образ Поэзии дорог,
Хоть он от достатка в бегах.
Мы выйдем с друзьями за город
В облитых росой сапогах.
Про время худое забудем,
Нужды не стесняясь ничуть.
Пойдем – непрактичные люди –
В холмами отмеченный путь,
Где солнце полнее и краше,
Как дивной поэзии весть.
И светлая Родина наша
Нам лучше откроется здесь,
Где, выставив в поле треножник,
Порвав с городской кутерьмой,
Заспорил упрямый художник

В искусстве с природой самой.
И в неутолимой работе,
Забыв похвалу и хулу,
Запечатлевает в полете
Мечту, и звезду, и пчелу.
Исследует творческим взглядом
Природы безмерную часть.
И мы остановимся рядом,
Витийствуя и горячась.
И быта надсадного гиря
Рванется, как шар, к облакам,
Чтоб, мысли и чувства транжиря,
Мы спорили по пустякам.
Чтоб верили в счастья приметы,
С природой и волей на «ты»,
Минувшего века поэты,
Пришедшего века шуты,
Взыскующие за искусство
Не деньги, а слезы и смех.
Неопровержимостью чувства
Стремясь обнаружить для всех
Поэзию чуда земного,
Где быт преломляется наш.
Где, мучаясь снова и снова,
Художник рисует пейзаж.

Поезд

Купить билет в неведомость, куда-то.
Пусть мчится поезд. Догорает день.
Пусть возникают в зареве заката
Набеги городов и деревень,
Холмов и рек, и новорусских вотчин,
И хуторов, заброшенных уже,
Где крайний дом забит и скособочен,
И лишь журавль стоит настороже.
И наступают сумерки, чтоб комкать,
Сбивать в квадрат и скатывать в овал
Многообразность, контурность и ломкость,
Которые закат обрисовал.
Чтоб поезд мчался сумрачною бездной,
Катился по неведомым местам,
Где за окном лишь пригоршни созвездий,
Разбросанные бытом тут и там.

Где за стеклом лишь очертанья веток,
А на стекле внезапно, как сполох,
Мое лицо, похожее на слепок
Случайности, захваченной врасплох.

Аппассионата

Ночь, устремляясь к своему концу,
Коснулась крыш мерцающим надрезом,
И потекла прохлада по лицу,
А где-то по визгливому кольцу
Провел трамвай пронзительным железом.
А я не спал.

Предутренняя мгла
Сдавила сердце неподъемной думой.
Земля как будто музыки ждала,
Казалось, в ней мерцают зеркала,
А в зеркалах плескался свет угрюмый.
Казалось, сердцу мглы не одолеть,
Что тяжелой думы не осилит разум,
Что свет и тьма, как будто жизнь и смерть,
Как будто явь и сон, явились разом.
И ожиданье озарилось вдруг
Таинственным восшествием мажора,
Как будто кто-то в роли дирижера
Возвысил солнце мановеньем рук.
И заалело!

Где-то высоко
Зажгла огонь бетховенская нота...
Туман в низинах – словно молоко,
А по верхам порывисто, легко
Уже пошла громадина восхода.

Сад

Сад закипел под натиском зари.
Какая мощь, какая мудрость в этом!
Здесь каждый плод подсвечен изнутри
Неизъяснимым, выстраданным светом,
Здесь, продолжая вечную борьбу,
Столкнулась с тьмою солнечная масса.
Давай, земля, раскручивай судьбу
На каруселях Яблочного Спаса!

Чтобы в плодах, как и в сердцах людских,
Рождался свет.

Чтоб мрака не бояться,
Чтоб горевать над бедами других,
А над своими бедами смеяться!..
Близка зима.

Слабеет голос мой.
Но я прожил достаточно на свете,
Чтоб научиться сумрачной зимой
Слагать стихи о яблоках и лете,
Под звук метели, глядя на огонь,
В нем узнавать бушующее лето,
Где сад раздвинул в яблоках гармонию.
Пусть будет так!

И свято будет это...

Вечное чудо

Рано утром на реку ты выйдешь –
Как просторно, безлюдно везде!
И увидишь сияющий Китеж,
Отразившийся в чистой воде.
И в рекой омываемом чуде
Колокольные звоны слышны,
И гуляют по городу люди,
И текут по полям табуны.
Но уже отворяется бездна –
Из степи насаждает орда.
Крикнешь: «Люди!..» –

и диво исчезло...

Всюду небо, земля и вода.
И привидится ж, право, такое!
Жизнь идет да идет, не спеша,
Что ж ты вечно не знаешь покоя,
Что ж ты ищешь чудного, душа?
А вокруг неизбежно, повсюду,
Беспокоя сердца, веселя,
Совершается вечное чудо:
Солнце, небо, вода и земля.
Много ль надо еще человеку,
Чтобы славить зарю по утрам?
Засмеешься и глянешь на реку –
А в воде отражается храм.

* * *

А вокруг веселые поля,
А кругом грибы да земляника...
Хороша уральская земля:
Помолчи, прислушайся, взгляни-ка...
«Щелк да щелк!» – рассыплет из ветвей,
Засвистит, раскатится, зальется,
Запоет ли где-то соловей –
Уж другой из сердца отзовется.
Кто сказал, что дни любви прошли?
Вот, слова его опровергая,
Звонко трель послышалась вдали –
Ей в душе откликнулась другая.
Отдохнув у звонкого ключа,
Я иду, волнением гонимый...
Жизнь в пути свежа и горяча,
Как при встрече губы у любимой.

* * *

Сколько в жизни умчалось воды!
А рассветы какие цвели!
Через стройки и через сады
И неслись мои годы, и шли.
Но, как прежде, ликует скворец,
И курлычут в полях журавли,
И не хочется верить в конец
Этой яви в пределах земли.
И не хочется думать про мрак,
Предначертанный вечный покой.
Я гляжу в неизбежное так,
Будто это обрыв над рекой,
А над ним журавли...

А скворцы
Восклицают с высокой ольхи,
Что уходят в мотивы певцы,
А поэты уходят в стихи.
И, забыв про уху в котелке,
Я стою на обрыве, смеясь,
И беспечно резвится в реке
Серебристо-рубиновый язь
В отраженьях лица моего.

Язь

Мою рыбацкую хандру
Вот так, зараз, избыть нельзя.
В реке подсек я поутру
Великолепного язя.
В заре рассветной, как в крови,
Сверкнул он в поднятой волне,
А в ней возьми и оборви
Крючок...
И канул в глубине.

Ну ты на это погляди!
Казалось, счастье – вот оно!
А язь возьми да и уйди,
У счастья так заведено.
Судьбы капризно ремесло
Крепить иль рвать удачи нить,
Где «повезло – не повезло»,
Иль даже «быть или не быть...».
Кто проиграл? Кто вознесен?
В судьбе двояк расклад любой.
Он для кого-то в унисон,
А для кого-то вразнобой.

Вот на счастливом рубеже
Ты вдруг решишь: «Пошли дела!» –
А рядом Аннушка уже
Внезапно масло разлила.
А ты с нее не сводишь взор,
Прося: «Зайди хоть на часок!
Мол, в жизни счастья недобор,
Отмерь хотя бы на глазок».
Вот и пойми событий связь!..

А по реке, как по судьбе,
В большую жизнь уходит язь
С крючком в израненной губе.

Ива

Над речным подвижным серебром,
Где невзгоды цепкие нередки,
Кто-то равнодушным топором

Искалечил ивовые ветки.
Глядя в переливчатую тишь
Звездами пробитого залива,
Ты о чем тихонько шелестишь,
Над водой склонившаяся ива?
И, не изведенная бедой,
Не обезображенная местью,
Ты стоишь бесстрашно над водой,
Где мерцают вечность и созвездья.
Я хотел бы так же миг любой
Этой жизни – в будничность иль битву –
Жить, не убиваясь над судьбой,
А воспринимая как молитву.
Счастье, не подвластное уму,
Не пытаюсь воротить натужно.
Просто жить и верить потому,
Что молитве большего не нужно.

* * *

Идти весь день, поднявшись утром рано,
По новизне меняющихся мест,
Густую даль с высокого кургана
Из-под руки оглядывать окрест.
Из родника певучего напиться,
Свалиться в травы, опьянев слегка,
И наблюдать, как пролетают птицы,
Как проплывают вольно облака.
И все вокруг: и омуты, и броды,
И каждый лист, и общий колорит –
С тобой одним от имени природы
На языке понятном говорит.
О том, что жизнь стремительна и кратка,
И, хоть округа зрима и слышна,
Природы неприступная загадка
В любом листке ее заключена.
И как ни бейся, а не разгадаешь:
Ее ответы разума сложней.
Она жива, когда ее не знаешь
И изумленно думаешь о ней.
Непостижима и необычайна,
Открыта только сердцу одному,
А в остальном – языческая тайна,
Вовеки не подвластная уму.
Ее черты суровы и красивы.

Она живет, настойчиво храня
Свои законы, листья, и массивы,
И по земле идущего меня.

Ночь

Ты навеки запомнишь вот эту короткую ночь,
Где поет соловей – беспредельного чувства
виновник.
Если сам ты не в силах печалей своих превозмочь,
То помогут звезда над костром, соловей и ольховник.
Нам, быть может, столь зримо извечное небо дано,
Чтобы вспомнили мы, потерявшись в тщете
своенравно:
Заблудиться впотьмах и в ольховнике немудрено,
Ну а в собственных чувствах и мыслях, увы,
и подавно.
Этот трепет огня, эти отблески, шорох и свист,
Эти ясные звезды – свидетельства света иного.
Если будешь душой перед ними младенчески чист,
То откроешь немало заветного и потайного.
И когда оборвется течение жизни твоей,
Может случиться, с тобой только ночь и останется эта,
Где затихнет навек... И опять запоет соловей –
Этот маленький сказочник, выдумщик и привереда.

Дрозд

На двор открыта фортка,
И ясно виден он.
Поет, купаясь вертко,
В заре со всех сторон.
Он из ночного мрака
Принес весны печать
И веселится всяко,
Не в силах промолчать.
То песня не на зависть –
От чувства полноты,
Чтоб превращалась завязь
В чудесные цветы.
Щелчки и трели эти
Восторженны.
Пооди,

Не спеть такого в клети
Иль просто взаперти.
Чтоб чувство не поблекло,
Лишь вольного удел –
Пройтись по нотам бегло
И так, как сам хотел.

Звезда на холме

Жаром пышет земля. Небеса горячи.
Я таскаю мешки, я кладу кирпичи.
Я лопачу бетон. Труд мой тяжек и прост.
Я по крыше качу раскаленный бикрост.
И работа, и зной прямо сводят с ума,
Заслоняя дворы, закрывая дома.
Да и сам, от натуги и зноя багров,
Я не вижу домов и не вижу дворов.

А под вечер, когда взгляд бессолнечен мой,
Одурев от жары, возвращаюсь домой,
И, на время забыв духоту и труды,
Дорываюсь, как вол, до обильной воды.
И за город гляжу, словно зек из тюрьмы,
Как за зоной домов проступают холмы,
Как мерцают они в голубой полутьме.
И сверкает звезда на вечернем холме.

* * *

Опять навалился на город удушливый вал.
Под ним побурели и сделались блеклыми дали.
Нас мир духотою и засухой окольцевал,
А мы изобильных даров от него ожидали.
Так часто бывает: чем больше хорошего ждешь,
Тем неотвратимей к нам вместо искомого чуда
Повадится тягость, да так, что уже невтерпеж!
А отдых в тщете заблудился навеки как будто.
Давайте потерпим!

Давайте еще подождем!
Мы в этих извечных вопросах пожизненно стойки.
Представим, как дивно округа мерцает дождем,
Как дышат прохладой просторы ее и постройки.
Как люди задышат!

К нам явится с неба вода!

Мажорными каплями смочит усталую сушу,
И женщина глянет загадочно из-под зонта,
И снова застанет врасплох изумленную душу.
Пусть явятся виды далеких неведомых лет,
Где грозные тучи сгущаются над головою...

...Матильда Кшесинская едет сквозь струи в балет,
И образ «Авроры» встает над ненастной Невою...

Чем больше страданий, тем ярче о счастье мечта!
Мы воображеньем со скрипкой его нарисуем.
Художник в творениях нам интересней, когда
В исканиях сам для себя же и непредсказуем.
Пусть явится дождь!

Вдохновенье превыше всего!

Да здравствуют чувство, и краска, и слово, и нота!
И пусть не сменилось в природе еще ничего,
Но чутко в душе и тревожно уже отчего-то.
Для воображения неодолимого – нет!
И тучи лилово заходят грядой исполинской.
Вот-вот промелькнет за штрихами дождя силуэт –
Быть может, «Авроры», а может, Матильды
Кшесинской...

Соседи

Как хорошо, когда ты вольный,
Вагонной участью довольный,
В калейдоскопе новизны
Находишь беглые пейзажи,
И пусть они беднее даже
Того, чему взамен даны.
И план беседы намечая,
А к ней чуток не только чая
Соседу не обиняком
Предложишь.
И куда тут деться:
«За жизнь! За доброе соседство!..»
Как будто сотню лет знаком.
А ведь и вправду – годы мчались,
А мы с соседями встречались
С улыбками, а не в слезах.
В строю, в работе и в беседе
Мы были добрые соседи

Веками – русский и казах.
В степи, на месте кругозорном
Я у костров с открытым горлом
Лежал в застойные года
И думал о друзьях, о птицах,
О чем угодно – без границы!
А о границах – никогда.
Мы все стремимся к жизни лучшей,
И ты, сосед казах, послушай:
Мы жили дружно, как могли,
Так пусть же будет быт наш сносен,
И в наших душах прежних весен
Не утихают журавли!

Пусть в жизни важное случится!
Пусть наша участь к счастью мчится,
Как этот поезд, напрямиком.
И на гудок светло и длинно
Несется мирная равнина
С холмами и березняком!

* * *

Бывает так: мелькают жизни числа,
И все вокруг привычно, как всегда,
Но вот тщета придуманного смысла
Тебя начнет тревожить иногда.
Все чаще, чаще в будто бы покое
Тебя начнет раскачивать тоской,
И вдруг подкатит смутное, такое,
Что ну его – подумаешь – покой.
И вот уже в пространстве дымно-мглистом
Весь день фигура мечется твоя –
Там, где составы с грохотом и свистом
Несут кого-то в дальние края.
Там, где вскипает месиво людское,
И сам – зачем? – не ведая куда,
Ты все спешешь подальше от покоя,
Туда, где шум и гам, и суета.
Где все гремит, гудит, несется, дышит
И вдруг затихнет...
Ночь, сверчок, темно...
И ты сидишь, уставший и притихший,
И смотришь, смотришь в звездное окно,
Где тишина обычная, простая,

Где диск луны над городом повис...
А жизнь идет, надежно обретая
Свой непонятный, но весомый смысл.

* * *

Ты подгоняешь к слову слово,
Но стих не ладится пока.
В нем все угрюмо и сурово,
Все беспросветность и тоска.
В нем все мучительно и грозно,
И жутко, как перед концом,
И меркнут гибнущие звезды
Над запрокинутым лицом.
И неудачи снова, снова...
И ты, немного погодя,
Вновь подгоняешь к слову слово,
В стихах себя не находя.
И, отшатнувшись, как от боли,
Виденья мрачные гоня,
Ты вдруг увидишь: в диком поле
Мерцает искорка огня –
Во мгле, далекая, одна лишь,
А ночь беззвездна и глуха...
И самого себя узнаешь
В угрюмом зеркале стиха.

Вид из вагона

Сквозь сумрак вечерний с трудом
В окне разглядеть я могу
Расплывчатый маленький дом
На сером речном берегу,
Забор из корявых жердей.
Еще различают глаза
В саду силуэты людей
И сад сторожащего пса...
Те люди не знают о том,
Куда меня поезд повез,
А я не узнаю, чей дом,
Чей сад тот безмолвный, чей пес.
А саду и псу все равно,
И вот они все далеки,
Лишь искра во мраке – окно –

Напомнит про дом у реки...
Бессонно до ясной зари
Сквозь ночь меня, поезд, неси,
А ты, моя искра, гори,
Гори на незрячей Руси.
Как много домов и садов
Навеки погасло во мгле,
Как много людей и следов
Пропало на русской земле!
Я многих уже позабыл,
И сам не оставив следа.
Я, кажется, здесь уже был,
Но только не помню, когда.

* * *

И опять недостижимы цели.
Пусть никто за это не осудит –
То, что мы сегодня не успели,
Никогда написано не будет.
Новый день стремительностью кадра
Промелькнул – осталась ностальгия.
Тема та же может быть назавтра,
Только сами станем мы другие.
Только в сердце ворохнется глухо
То, что тщетно выразить хотели.
А приложим к будущему ухо –
И услышим ливни и метели.
А за ними – думы, даты, лица
Поспевают буднично и рьяно.
Безвозвратных близких вереницы,
И (откуда это?) – фортепьяно...
Или это просто непогода,
Беглый ритм мерцающей капли?
А писать не то что неохота,
Просто понимаешь – не успели.
Может быть, назавтра?

А пока что
Всюду поздней осени примеры,
И в душе настойчивее жажда
Умиротворения и веры.
Вот и ничего, что небогаты.
Вот и хорошо, что невелики.
Вот и пусть – метели, ливни, даты,
А за ними – думы, речи, лики.

А за ними – праздники и муки,
Где неслышно свечка догорает.
И опять... Откуда эти звуки?
Это Моцарт – тише! – он играет.
Это Моцарт, что играет вечно...

Когда играет Бах

Не отдалять конец, не приближать его
И не играть с судьбой в орлянку: кто – кого!
А просто жить да быть и прилагать труды,
Чтоб оставался след, и собирать плоды.
Чтоб не сходить с ума или сходить с ума.
Не торопите жизнь, она пройдет сама.
Пройдет с гримасой или с улыбкой на губах,
Когда и боль, и страх – играет фугу Бах.
Как в жизни часто был я нелюбим и бит,
И по ночам во снах я вижу лабиринт,
Где я бегу, бреду, а все исхода нет.
А поутру пока я выхожу на свет
И думаю про жизнь: «Осталась ли хоть треть?»
Не говорите так: «Не жалко умереть».
Не говорите: «Здесь осталась лишь печаль».
Как будто было все, и все ж чего-то жаль!

И все дороже то, что мнилось – пустяки:
Травинки, облака и ивы у реки,
Где ветер на лету дымком костра пропах...
И чувства высоты, когда играет Бах.
О том, что Баха нет, – рассудочны слова.
Пока играет Бах – Поэзия жива.
Так понимаю я, но сердцем, не умом.
Вы слышите?... Звучит орган за тем холмом.

Под березой

И не то чтоб устал – попросила, похоже, душа
Перестать беспокоиться и без нужды суетиться.
Просто так посидеть и послушать, как тенькает птица
Вот под этой березой, совсем никуда не спеша.
Сколько было таких неприметных берез на пути...
Скольких радостных птиц в суете не расслышал
я либо

Даже близким сказать забывал зачастую:

«Спасибо!»

Иль, к примеру, обидев случайно, промолвить:

«Прости!».

И теперь не сказать тем из них, кто навеки ушли.

Ах как много уже!

И в земной суете улетели,

Словно призраки жизни, мои бесконечные цели.

Но остались березы, певучие птицы, шмели....

Чтобы небо увидеть, не надобен блеск грозовой.

Чтобы стать человечней, не требуется манифеста.

Чтобы душу послушать, не нужно особого места.

Вот под этой березой такого, пожалуй, с лихвой.

* * *

А я никогда не бываю один,
Открыв вдохновению внутренний взор.
На тюлевом фоне полночных гардин
Я ставлю ночник на бессрочный дозор.
Мой внешний достаток едва различим,
Но внутренний мне не дает унывать,
И я для упадка не вижу причин,
Есть кров у меня, и еда, и кровать.

А если дела отчего-то плохи,
Невзгодам и бедствиям наперекор
Я сердце открою, и хлынут стихи
На яблочным духом наполненный двор.
Дивитесь, как много явлений благих,
Волшебных созвучий и чудных картин
Для тех, кто себя распахнул для других,
А значит, вовеки не будет один!

* * *

Спеша в метро, толпой народ валит,
Стучат ботинки, цокают сапожки,
Не видя их, играет на гармошке
Сквозь ад войны прошедший инвалид.
Он слеп и стар. Что чудится ему?
Ко лбу его седая прядь прилипла,
А он поет прерывисто и хрипло
Про журавлей, про степь, про Колыму,
Про горе вдов и удаль Ермака,

Про облака, про белые березы...
И все смешалось: радости и слезы,
И гнев, и боль, и нежность, и тоска...
И шум толпы стихал перед слепцом.
На шее дулась от натуги жила,
И смерть свои печати наложила,
И жизнь трудилась над его лицом.
А позади и фронт, и Магадан,
Где много зла, а радостей немножко.
Хрипела жизнь, как старая гармошка.
Был тяжкий путь ему Россией дан.
А он, слепой и все отдавший ей,
И не забывший, как судьба жестока,
Среди людского смутного потока
Играл и пел о Родине своей.

* * *

В телевестях опять война,
И нет числа смертям и ранам.
«Прощай!» – и жизнь разделена
Между любовью и экраном.
Ты тихо говоришь: «Прощай...» –
Уже как будто отчужденно.
Давно забыт остывший чай,
И боль натянута до стона.

А жертвы только ли в войне?
У телевизоров – они же.
«Тук-тук...» – и холод по спине
Пошел от ворота и ниже,
И кто-то сумрачный во мгле
Уже глядит непримиримо.
А рядом с водкой на столе
Таблетки нитроглицерина.

Экраны с бурей пустоты...
Лекарства с привкусом металла.
«Останься! Если бы не ты,
Меня б давно уже не стало.
Останься!..» – и рука в руке,
И жизнь берет свое по праву.
А где-то в смутном далеке
Идет тайфун на Окиनावу.

* * *

Старуха болела, и в призрачном где-то
Ее увлекало течение бреда,
Где косы свистели по дальним покосам,
Где бешено рыба плескалась по плесам.
И жизнь уносилась тревожной рекою,
Не зная преграды, не зная покоя.
И в чащах, зверея от крови и злости,
Трубили победу безумные лоси...
Закат над землею, великой и древней,
Багровое солнце за тихой деревней.
Где ветки сирени сплетаются туго,
Металась девчонка в объятиях друга...
Вот та же девчонка, поющая звонко....
Вот женщина в люльке качает ребенка...
А вот постаревшую женщину ту же
Ведут от могилы погибшего мужа...
Старуха очнулась: как мало осталось!
Какая большая, тревожная старость!
Какая чудная, жестокая сила...
Зачем это нужно?
Зачем это было?
Зачем эти ливни, метели, морозы,
Заботы, надежды, потери и слезы?
И снова забывшись – счастливая смута –
Старуха тихонько смеялась чему-то.

Гармонь

Ты, гармонь, играй, играй,
Чтобы жизнь – под самый край!
А на самом том краю
Я и сам уже стою.
Я б сто лет прожил, кажись!
Что за чудо эта жизнь!
Всюду дивные края!
Так играй, гармонь моя!
Две березы – две свечи,
А на них горят грачи.
Мне про черный тот огонь
Ты сыграй, моя гармонь.
А гармонь мне говорит:
«Кто играет, тот горит!»
Так играй, да не сгорай

Ты, гармонь, про чудный край!
А пока обрыва нет,
Ты играй про белый свет,
Про любовь и благодать!
На краю мне все видать.

* * *

По этим солнечным местам
Бродила молодость со мной.
Гудели пчелы тут и там,
От рощи веяло весной.
Шептались травы о своем,
В ручьях сверкали зеркала,
И роща дивным соловьем
Нас изумляла и влекла.
Ужель и правда тридцать лет
Как есть остались за спиной?!
Я крикнул юности вослед:
«Побудь, веселая, со мной!
Мы красных ягод наберем,
Восславим лета красоту!»

Зачем же желтым сентябрем
От рощи веет за версту?..

* * *

Я еще никуда не спешу.
Мой товарищ – улыбчивый кот.
Я, задумчиво щурясь, чешу
И загривок его, и живот.
Беспечально еще на дворе
И ни туч, и ни гроз не видать.
Все деревья в живом янтаре,
А в душе благодать, благодать...

О какая рельефная тишь
Под аверсом твоим, суета!
И отчетливо слышится мышь,
Что скребется в мечтах у кота.
Все обычным идет чередом,
Желтизной наполняется лист,
И еще не спешит за кордон
Мой октябрь – Оранжевый Лис.

И грачи не рванулись во тьме
Неизбежности наперерез,
И навстречу российской зиме
Не отправился «Невский экспресс».
Как покойно вокруг и тепло!
И поверится вдруг без труда
В то, что лето еще не ушло,
А зима не придет никогда.

* * *

Отлетают в сентябрьском чаду
Пожелтевшие листья, как числа.
Я как будто без цели иду
И как будто бы в поисках смысла.
Где доселе за мною молва
Поспевает, являя упорство
На предмет моего шутовства,
А иначе сказать – стихотворства.
Да и сам я все чаще не рад
Покидать обжитую реальность,
Чтоб в сумятице смутных тирад
Открывать и размер, и тональность.
Будто в двух измереньях живу,
Виртуального странника вроде...
А соседка сжигает листву,
И качается дым в огороде.

Вот она поглядела светло
И вздохнула немного устало:
«Огородное лето ушло,
Ну а бабье еще не настало.
Да и только ли лето? Увы...»

И сживаются неразделимо
Меж усадьбами запах листвы
С горьковатую примесью дыма.

Жители планеты

Уже осеннее светило
Округу перевоплотило
И вовлекло в круговорот.
И, созерцанью потакая,

Пришла таинственность такая,
Что приутихли пес и кот.
В березняке маячит леший,
Иль, может быть, грибник заезжий,
Забывшись, замер над грибом.
Дивитесь, слушайте, смотрите!
Теряйтесь в общем колорите,
В узоре красочно-рябом.

Во всем – творенья уникальность.
И дум прозрачность и зеркальность
Находит нас.

И видим мы
Самих себя и наше лето,
А в глубине восходит где-то
Уже предчувствие зимы.

Я весь предчувствием проникся,
И кот проникся в позе сфинкса,
И пес утих, утратив прыть.
Когда, доверчивости вроде,
Такая искренность в природе –
Друзьям излишне говорить.

И мы сидим немым отрядом
Рядком.

С моей ладонью рядом
Кошачий хвост и песий нос.
Мы общим солнцем обогреты.
Мы просто жители планеты:
И человек, и кот, и пес.

Разговор

Меж острых гребней синих крыш
Сады кудрявятся, как дым.
Ты мне о чем-то говоришь.
Ну что ж, давай поговорим.
О том, что вот ушли друзья,
И нам недолго, может быть...
Что новых песен петь нельзя,
А старых, видно, не забыть.
Все маяки уже вдали
Погасли с прошлым заодно.

В вождей мы верить не смогли,
А в Бога, видно, не дано.
А из осенней стороны
Нам песня тихая слышна,
В ней – ни почета, ни казны,
Лишь только родина одна...
Давай любить ее!

С трудом!
Любить навек! Любить всерьез
И этот сад, и этот дом,
Где черный кот и рыжий пес.
Как много веры и любви
Несут родимые края,
Где и скворцы, и соловьи!
А в эпицентре – ты и я.
Слова, похожие на бред,
Но смысл для нас обоих прост.
Над маячками сигарет –
Хрусталь рассыпавшихся звезд.
Огни да небо без конца,
Да звуки наших голосов...
И ночь, преследуя Стрельца,
По следу гонит Гончих Псов.

Мотылек

Ночной костер, покой да тишь,
Да неприметный мотылек.
Такая малость, а поди ж –
Из сердца сумрачность извлек.
С ним в стороне от суеты
Ты в этом мире не один.
И все равно ему, кто ты –
Вельможа иль простолюдин.
Сегодня вечером не вдруг
Меня привел осенний путь
В тот дом, где прежде жил мой друг.
Его зашел я помянуть.
О дверь ударило кольцо,
И псы рванулись с поводков,
И некто вышел на крыльцо,
И глухо молвил: «Кто таков?»
Я объявил визита суть.
На объяснение мое

Он снял фонарь и молча в грудь
Навел двуствольное ружье.
– Позволь, я друга помяну!
Но человек ответил так:
– Ступай отсель, не то пальну!
Иль с поводков спущу собак...
Ну что ж, цари в своем мирке,
Ружье и псы – тебе под стать.
Я помянуть пойду к реке,
Где человека не видать.
Пусть он, от памяти далек,
С ружьем удел обходит свой.
А здесь – костер, да мотылек,
Да Млечный Путь над головой.
Легка душа. Покойна грудь.
Горит костер. Течет река.
И пролегает Млечный Путь
От сердца и до мотылька!

* * *

Печален и задумчив клен,
И тополь самоуглублен,
И карагач, хоть стоек он,
И тот в вечерний час
Стволом, ветвями и листвою
Спешит багаж пополнить свой
Неизмеримостью живой
И светом про запас.
Летит листва и вверх, и вниз.
Она танцует блюз.

А близ

Ее октябрь – Рыжий Лис –
Швыряет предо мной.
О вдохновенья друг и страж,
Опять листов твоих тираж
Дает и смысл, и антураж
Инертности земной!
Нас ждут удачи впереди,
Дожди и новые вожди.
Меня ты только подожди,
Поэзию храня.
Там, где стоит печальный клен,
Где тополь самоуглублен,
Меня ты только подожди!
Ты подожди меня.

Ноктюрн

Ты вновь, октябрь, от листьев огневой,
Меня встречаешь грустью на пути.
Смешай ее с летящею листвою
И в золотые ноты преврати.
И пусть они опять пойдут на штурм
Глухих трущоб и озаренных сцен –
Их покорит и наградит ноктюрн.
А с ним взойдет над временем Шопен.
Из века в век переступив между,
В который раз он властен над судьбой.
Я от него все дальше ухожу,
Чтобы ноктюрну не мешать собой.
Но по настрою сердца моего,
В иной эпохе и в другой стране,
Чем удаляюсь больше от него,
Тем он звучит отчетливей во мне.

* * *

Мы растратили жизнь, как могли.
Словно призраки с киноэкрана,
Наши лучшие годы прошли
Так нелепо, так скоро, так странно.
То весь мир повергая к ногам,
То и крохи роняя не часто,
То устраивая балаган,
То взирая на все безучастно.
А округа ненастьем сквозит –
Это осень подходит до срока,
Все заметней ее реквизит,
Все желтее от листьев дорога.
Или, может быть, в спешке земной
Мы беспечно накликали сами
Эту осень, и дождь затяжной,
И печаль с неземными глазами?

Мы ночами прерывисто спим
От тревоги и боли невольной.
Одиночества дух нестерпим,
Он не ищет дороги окольной.
А вода на крыльцо натекла,
И листвою наполнена урна,
И округа сквозь дымку стекла
Проявляется карикатурно.

И покажется, будто в дожде
Вся Россия от края до края.
Мы как дети бежим по воде,
На потоки ручьев невзирая.
И года не берутся в расчет,
Это просто судьбы середина.
А вода то ручьями течет,
То сливается вдруг воедино.

Калина

Все позади – и лето, и тепло.
И ветер гонит листья ворохами.
Глядит октябрь в мой дом через стекло –
Со мною осень делится стихами.
Весь мир в листве: движение машин,
Поток людской...

А небо в птичьей игре.
Там, за калиной красною, Шукшин
Исчез, земли не тронув сапогами.
И я спеша запнулся, как на грех:
«Постой! – кричу, – неужто в самом деле
Всё позади?!»

Шукшин один из тех,
Кто жили полно и любить хотели.
Кого искали, славя и кляня,
Пуская в ход и слово, и железо...
Не знаю я, любили ли меня,
Но помню, как стреляли из обреза.
«Иных уж нет»... А я живу пока,
Пусть дни порой томительны и серы.
Когда душа невзгодами крепка,
Тогда она упорней ищет веры.
И, может, этим поиском жива...

А в небе – грусть курлычущего клина.
Вот и опять в окно летит листва,
И все приметней красная калина.

* * *

Октябрь листву оборвал,
Чтоб красочней выглядел путь.
Но пышный его карнавал

Еще не закончен, отнюдь.
Как будто бы участь его
Природой не предрешена,
И красок его волшебство
Не осуществилось сполна.
Октябрь. Листопад на пути
Заставил меня самого
Раздвинуть листву и войти,
Чтоб сделаться частью его,
Где те же театр и музей
И те же приметы вокруг...
И лица ушедших друзей
Сквозь листья проявятся вдруг.

* * *

Предзимний сезон. Зарядили дожди без конца.
И город ответил огнями, зонтами, шагами.
А с ними хандра проточила тропинки в сердца,
Наполнила мокрый асфальт дождевыми кругами.
Тут даже и баловень жизни нахмурится вдруг:
«Не стоит о счастье придумывать глупую сказку
Иль новую повесть с обилием бед и потуг.
На что нам чужие, когда и своих под завязку?!»
Но кто-то спешит, пробираясь к жилью и теплу,
И кто-то твердит заклинанием ставшее имя.
А я наблюдаю, как смутно текут по стеклу
Штрихи и черты одиночества или предзимья.
И я оставляю хандрою захваченный дом,
Который штрихами скорее размыт, чем очерчен,
Чтоб снова спастись стихами и тяжким трудом.
Трудом и стихами. А больше спастись и нечем.

Тайна

Придет октябрь, от туч лохмат и грозен,
Огонь листвы швыряя на страну.
Старик сосед кивнет на небо: «Осень...» –
Зарыв ладонь в густую седину.
Затихнет лес торжественно и странно,
От мест родных к теплу заморских стран
Начнет свой путь и в глубине тумана
Исчезнет с криком птичий караван.
Настанет будней серых череда,

И многое представится в ней поздно.
И вдруг поймешь, что прежде так серьезно
О жизни ты не думал никогда:
«Ну вот, должно быть, предстоит и мне
Опустошенность иль преображение».
Так на воде рождается движение,
Когда уж нечто канет в глубине.
И, тронув отражение свое,
Поверишь в то, что осень – это тайна!
Коснись ее, казалось бы, случайно,
И станешь сам частицею ее.
И над землей совсем исчезнет просинь,
Пойдут дожди, настанут холода.
Сосед, вздохнув, кивнет на тайну: «Осень...»
И ты, смеясь, ему ответишь: «Да!»

* * *

Набег непогоды не то чтобы зол и жесток,
Он просто волною накатывает временами.
И птицы, и тучи сбиваются в общий поток,
И их мешанину гортанно пронесит над нами.
И мчится к избушке подхваченный ветром рыбак,
Хотя и ему перепады стихии не внове.
И под топором разрывается звучно чурбак,
Как горестный возглас, оборванный на полуслове.
И вот из трубы прорывается верткий дымок,
А сизые тучи сжимаются гуще и туже.
И чуткий пейзаж безнадежно померк и промок,
И струи дождя набиваются в емкие лужи.
Повсюду сверкает – далёко и над головой.
Несутся к реке дождевые тяжелые воды.
И шумно хозяйствуют ливень, и грохот, и вой,
Как вечные спутники неукротимой свободы.

* * *

Предзимья время подошло,
Где и ненастье, и хвороба.
И ты притих, через стекло
На этот мир взирая в оба.
И осенен догадкой ты,
Что дождь докучный – просто случай
Отвлечь тебя от суеты,
От повседневности липучей.

Подумать о добре и зле,
О том, что мы подчас жестоки,
Что на очищенном стекле
Заметней мутные потеки,
Что ощутимее теперь,
В такую хлябь, нужды приметы,
Острее предчувствие потерь,
Когда бывшие не отпеты.
Борьба между добром и злом,
Меж осторожностью и хваткой,
Где лихо лезет напролом,
А счастье движется с оглядкой.
И что совсем невдалеке
Пора, чье зреющее имя
Уже звучит на языке
Дождя, ненастья и предзимья.

Стихи

Мётлы по городам
Листья вовсю метут.
Осень и тут, и там.
Осень и там, и тут.
Только пришла, кажись,
А вот уж ее конец.
Так вот пройдет и жизнь.
Спросит тогда Истец:
«Чем сократишь грехи,
Душу возвысишь чем?»
– Вот Вам, – скажу, – стихи.
Спросит опять: «Зачем?»
Вспомню и дурь, и злость –
Быт был не тих, а лих.
– Просто, – скажу, – жилось
Ярче на свете – в них.

* * *

С улыбкой на лице и в выраженьях бодрых,
Свой фотоаппарат кантуя так и сяк,
Мне говорил один заслуженный фотограф:
«А я имел таких подружек в пятьдесят!
Всего полсотни лет – не возраст для мужчины,
Не хмурься, улыбнись, примни седую прядь...»

Мне тоже пятьдесят, и на лице морщины,
И в смысле красоты мне нечего терять.
Я верю, ты мастак в озвученном вопросе,
Фотограф, на меня напрасно не ворчи.
Я много тяжких зим трудился на морозе
И поднимал в жару бетон и кирпичи.
Должно быть, я держусь действительно картонно.
Все образы мои на фото – лешаки.
Я в объектив гляжу, как в зеркало затона,
Где разрезают синь сазаньи плавники.
И пусть черты мои неярки, и неброски,
И грубы...

Но когда один бываю я,
Мне хочется сказать лирической березке
Иль яблоне в саду: «Любимая моя!»
Мне хочется сказать: «Жестокая! Святая!
Стремительная жизнь, ты так мне дорога!»
А осень на дворе такая золотая!
А за спиной моей уже метет пурга...

* * *

Быть может, вновь сойдемся мы,
Когда, раздумчивы и зябки,
Дома по случаю зимы
Примеряют вороты и шапки.
Ну а пока еще тепло,
Не станем в чувствах мелочиться.
К тому же время подошло,
Где может всякое случиться.
Тогда – вперед и наугад!
И пусть, листвой наполнив урны,
Октябрь швыряет в листопад
Мазурки, вальсы и ноктюрны!
Туда, где чисто и светло!..

А новым вызовам в угоду
Не хмурьте, милая, чело.
Ах, право, бросьте эту моду.

* * *

Уже пошли проскальзывать морозы,
Сквозь сонных рощ – прозрачные дымки,
Где облака и птицы, и березы –

Штрихи одной задумчивой тоски.
Лишь отдаленно прошумит машина,
И в тишине, сомкнувшейся опять,
Вдруг все предстанет так непостижимо!
И ничего не нужно объяснять.
Лишь облака, дорога, запах дыма,
Холмы, река, грачиная ветла...
И тень зимы застыла нелюдимо
В созвездиях вечернего села.

* * *

Под осенние думы
Задремало село.
Отчего мне угрюмо,
Отчего тяжело?
Отчего эта тяжесть,
Эта слабость и тьма?
Отчего показалось,
Будто всюду зима?
И увижу, и вздрогну –
Будто снег там и тут!
Скоро вихри дорогу
Заметут, заметут.
Бьется сердце тревожно,
Словно чуя беду.
Я пойду к тебе – можно? –
Побегу, побреду.
Сквозь метания эти,
Сквозь ненастную тьму
Подойду на рассвете
Я к окну твоему.
Затянусь папироской,
Тихо стукну: «Встречай.
Я забрел к тебе просто.
Просто так, невзначай».

Глушь

Какая глушь! Предзимнюю тревогу
Скрипуче ворон выдал и умолк.
А человек высматривал дорогу,
И пес на глушь прищурился, как волк.
Река зеркал еще не погасила,

От холодов прозрачная до дна.
И стало ясно, что не в буйстве сила,
А вот в такой суровости она,
Где пес, как тень, бежит за человеком
Через необозримые места.
И равнодушно потянуло снегом
Со стороны Уральского хребта.
Как незнакомо! Неисповедимо.
Лишь ты да глушь, да между вами Бог.
И пес почуял легкий запах дыма
И ткнулся носом путнику в сапог.

* * *

Среди полей среди чужих,
Среди дорог метельных, долгих,
Я, словно лист, кружил, кружил
И вот остался без дороги.
И вот полмира замело,
И сквозь заносы манят, манят
Собачий лай, огни, село,
Изба в трескучей глухомани,
Где дух жилья, где теплота,
Где быт суров, и прост, и весок.
Где женский смех и взгляд кота
Из-под тяжелых занавесок.
Где детство чуткое мое
В метели ловит снова, снова
Мотивы странного ее
Глухого голоса печного.
И я иду в который раз
На этот голос, этот древний,
Путем огней, страстей и глаз,
Путем предчувствий и прозрений,
Где буен мир, и мглист, и чист,
И занесен наполовину.
А снежный вал, как лист, как лист,
Несет меня через равнину.

Метель

Всюду ветер и снег, а пути больше нет.
Этот воющий край мне совсем не знаком,
Но сквозь танец метели, похожий на бред,
Вдруг сверкнул огонек, и пахнуло дымком.

Не гони со двора – я совсем не здоров,
Дай, хозяйка, уют, дай тепла и постель,
Мои силы, как пепел остывших костров,
По холодным снегам разметала метель.
И когда отдохну и окрепну едва,
Я уйду, не забыв ни тепла, ни добра.
А теперь я усну, и метель, как сова,
Заметая следы, закричит у двора.
Закричит, запоет на особенный лад
И, растратив тоску, вдруг затихнет она.
И, собрав на груди васильковый халат,
Будет долго хозяйка стоять у окна.

Предчувствие весны

Я до утра, должно быть, не засну
И напишу о том, что этой ночью –
Мне не понятно как, но знаю точно –
Уже деревья чувствуют весну.
И пусть в снега закручена земля,
А ветер полон хлесткого азарта,
И пусть еще полмесяца до марта,
И неотступна воля февраля.
Но дом и сад застыли, затаив
Предчувствий неотвязное волнение.
И от цветов весенних в душах их
Уже живет, я знаю, изумление.
Хотя очаг его от глаз укрыт,
Но ощущаю я сквозь злую стужу –
В них ток весны.
Он просится наружу,
Как гимн скворца, со смехом и навзрыд!
Настанет день, когда его струна
Натянется до боли и до дрожи.
Еще февраль вокруг, но все же, все же
Уже округе чудится весна.

Звуки

Стали ночи заметно короче,
В них тревожные ноты слышны,
Ночью псы подвывают по-волчьи
От предчувствия скорой весны.
Неспокойно. Тревога свежее

Там, где стынет свистящая мгла,
От натуги у ветра на шее
Проступает кривая ветла.
Слышу возгласы, скрежет уключин,
Тепловоза ночные гудки,
Ожиданьем чего-то измучен,
Слышу чьи-то ночные шаги.
В чьих-то вздохах – значение муки,
В чьих-то вскриках – испуг и тоска.
Всюду звуки, тревожные звуки...
А других и не слышно пока.

Железная дорога

Все было так и будет после нас:
Возобновляясь без конца на свете,
Опять весна придет, как в первый раз,
И в новом веке, и в тысячелетье.
Как будто бы очнувшись ото сна,
В пределах круга вечного земного,
Вся в озареньях явится она
Так обостренно, трепетно и ново,
Как в первый раз...

Я позабыл его.

Но после весен в жизни было много.
Через поселок детства моего
Вела в весну железная дорога.
Изогнутая хищною дугой,
Она звала.

И, жертва своенравий,
Мой друг упал с отрезанной ногой,
И кровь текла на щебень и на гравий...
А годы шли, и паровозы шли,
Там были люди, танки, самосвалы...
А я вбивал стальные костыли
В крутой смолой пропитанные шпалы.
Здесь в перевоплощение мое
Врезался новой летописи гребень.
Паслись стада, хрипело воронье,
Метели грудью падали на щебень...
Как много зим осталось позади!
Но, выйдя за железную дорогу,
Как в первый раз, я удивлюсь: «Гляди,
Идет весна!

Ну вот и слава Богу!»...

Скворец

Как будто из волшебного ларца,
Когда весь мир весною очарован,
Заря достанет вещего скворца
И проведет по черному багровым.
И так взволнован будет птичий свист,
И так высок в лирическом ударе,
Что прагматичный строгий журналист
Забудет о карьере и пиаре.
И чудным пением увлечена,
Волна зари промчится по округе
Во все края: «Весна! Весна! Весна!..» –
Погонит краски, запахи и звуки.
Переполюя верой в чудеса,
Войдет ее решительная сила
В людские чувства, помыслы, глаза,
Которые весна преобразила.
То будет песня радостей земных
Об изобильном мае-самоцвете,
О плодоносных зорях наливных.
Она поднимет на ноги больных,
Забывших о болезнях и о смерти!
И журналист заменит, наконец,
Серьезный репортаж стихотвореньем,
И будет слушать, как поет скворец,
Горя в заре червлёным опереньем!

* * *

Пусть вечною будет река – новизна,
Душа вдохновенна, а кровь горяча.
И пусть, неразгаданным светом полна,
Над нашей судьбой не угаснет свеча.
Пусть будет изменчивый быт немудрен,
Тетрадка – набросками испещрена...
Никто от остуды не заговорен,
Но пусть не приходит подольше она!

Пока не утрачен к судьбе интерес,
Спешу преклоняться перед новизной,
Где горы, и реки, и смешанный лес,
И долгая степь с перспективой сквозной.
Где виды являют суровый узор,
А где-то изысканные чересчур.

Пусть чувством живым оформляется взор
В округлый восторг иль в пытливый прищур.
Пусть длится и длится исконная связь
Души и природы, чей красочен вид,
Где чуткая осень, светясь и бодрясь,
Пока еще к сущему благоволит.
И верится в то, что упадок не скор.
О смертная птаха, о вечном свисти!
И смутным предчувствиям наперекор
Печали и боли спеша извести.
Играй! Источай полнозвучный задор,
Округу на жизнь и любовь вдохновив!
Пока позабывший о нас Кредитор
От песен беспечен и миролюбив.

* * *

Все объявится где-то –
Не грустите, не надо –
Нежность майского цвета,
Буйство летнего сада,
Что кудрявился бело,
Что томился от жажды...
Все в итоге созрело,
Чтоб исчезнуть однажды.
Листья мчатся вдоль улиц,
Шелестят над садами,
Чтоб цветы обернулись
Золотыми плодами,
Что вращение в бездне –
Вечной жизни примета.
Ничего не исчезнет,
Все объявится где-то.
Значит, будем без меры
Жить и полно, и страстно,
И влюбляться от веры –
Эта жизнь не напрасна!
И метаться, бывает,
И глядеть напоследок,
Как плоды созревают
И срываются с веток.

ТЕМА ЖИЗНИ

Поэма

Звездопад. Как тихо на земле.
Всюду звезды, коим нет числа.
Все мерцает искрами во мгле:
И холмы, и речка, и ветла...
Светятся вблизи и вдалеке:
И в траве, и в листьях, и в воде...
Рыбы проплывают по реке,
И во рту у каждой по звезде.

Родина, какая ширь и тишь!
Как могу, я говорю о том:
Облако задело за камыш,
Щука гладь разрежала хвостом.
Здесь повсюду Родины печать:
Каждый лист и куст ее любой.
И не нужно «Родина!» кричать,
Коли так и есть само собой.
«Не кричи», – мне слышится в ночи.
«Не кричи», – пульсирует в крови.
– Не шуми, а лучше помолчи,
Да до срока голос не сорви.
И земля, и небо, и вода –
Здесь во всем такой чудесный свет,
Что невольно отзовешься: «Да!» ,
Если спросят: «Веруешь иль нет?»
Верую и в небо, и в зарю,
В землю всю и в лист ее любой!
И со всем негромко говорю,
Так обычно говорят с собой...
Говорю о счастье и о том,
Что земли настойчивее зов.
И о том, что в этой жизни тон
Часто содержательнее слов.
Что земных печалей не избыть,
Но и нет конца дарам благим.
Что земля дороже, может быть,
Оттого, что сам я стал другим.
И все чаще сердцем, не умом,
Проверяю мысли и дела...

Вот течет река перед холмом,
А вблизи нее стоит ветла.
А на той ветле среди ветвей
В темноте запел и вдруг замолк,
И опять защелкал соловей.
А вдали завыл незримый волк.
Так перекликаются они
В темноте, вдали от суеты,
Не родня, а все таки – сродни,
А в глазах у них по две звезды...

Жизнь, не отпускай меня.
Тревожь!
Приближай связующий момент,
Где сердцебиение и дрожь –
Вдохновению аккомпанемент.
Темы мегаполисов и роц
Раскрывай со звучной новизной.
Сочетай бетховенскую мощь
С легкой пасторальностью сквозной.
Чтоб вошла, поэмой становясь,
Муза одинокая моя
В мозаичность, фресковость и вязь,
В калейдоскопичность бытия,
Где не ходят беды стороной
И уходят лучшие друзья.
Но навек останется со мной
Тема жизни – Родина моя!
Родина!
Какая ширь и мощь!
Тайна, неподвластная уму!
Закричать захочешь
и поймешь,
Что кричать об этом ни к чему.
В охрой обернувшейся сурьме –
Очертанья дальнего села.
Чудо проступает на холме,
Где сверкают храма купола.
В этом зачарованном краю,
Где поют и волк, и соловей,
Словно околдованный, стою
Перед вечной тайною твоей.
На востоке озарилась тьма
И гусиным голосом поет.
Гуси... Это Родина сама
Поднебесный голос подает.

Эти реки, рощи и цветы,
Эти степи, где родимый дом!
Не кричи о том, как любишь ты,
Но любовь доказывай трудом.
Как рассвет невыразимо ал!
Как сирени тесно в городье!..
И о чем бы я ни написал,
Родина, все это о тебе.

Подражай, душа моя, и ты
Певчим птицам, вольностью гордясь,
Да и то – подобной красоты
Я еще не видел отродясь!
Захмелей от вешнего вина,
От веселой зелени и птах.
Как сирень цветением сильна!
Как увяз черемушник в цветах!
Тяга к жизни изо всех углов –
Всюду: и внизу, и наверху –
Лезет сквозь чешуйчатость стволов,
Сквозь пеньков шершавость и труху.
И спешит, и ширится она...
А вокруг с предельной новизной
Буйно фонтанирует весна
Из разверстой скважины земной.
О природы жизненная новь,
Я за все тебя благодарю!
За любовь твою и нелюбовь,
За золотоносную зарю!
За сиюминутность и века,
За друзей, монголов и татар!..

И летят над Русью облака
В направлении на Гибралтар.

Содержание

«Что нас заставляет писать: необычный размер...»	4
«И, наконец, февраль задул всерьез...»	4
Один	5
Март	5
Ледоход	6
«А природа светла и ясна...»	6
Весна на Урале	7
«И закончился май, и отцвел, и померк...»	8
Скамья	8
«Солнце поднялось. Уже давно...»	9
«Работы нет. В кармане – четвертак...»	9
«Подобно крепкому ознобу...»	10
«Как хорошо в уральском городке...»	11
Бочка	11
Оркестр	12
«Когда сигналият дальние зарницы...»	13
«Навалилась смута...»	13
Лужи под ногами	14
Флейта	15
«Мне образ Поэзии дорог...»	15
Поезд	16
Аппассионата	17
Сад	17
Вечное чудо	18
«А вокруг веселые поля...»	19
«Сколько в жизни умчалось воды!...»	19
Язь	20
Ива	20
«Идти весь день, поднявшись утром рано...»	21
Ночь	22

Дрозд.....	22
Звезда на холме.....	23
«Опять навалился на город удушливый вал...».....	23
Соседи.....	24
«Бывает так: мелькают жизни числа...».....	25
«Ты подгоняешь к слову слово...».....	26
Вид из вагона.....	26
«И опять недостижимы цели...».....	27
Когда играет Бах.....	28
Под березой.....	28
«А я никогда не бываю один...».....	29
«Спеша в метро, толпой народ валит...».....	29
«В телевестях опять война...».....	30
«Старуха болела, и в призрачном где-то...».....	31
Гармонь.....	31
«По этим солнечным местам...».....	32
«Я еще никуда не спешу...».....	32
«Отлетают в сентябрьском чаду...».....	33
Жители планеты.....	33
Разговор.....	34
Мотылек.....	35
«Печален и задумчив клен...».....	36
Ноктюрн.....	37
«Мы растратили жизнь, как могли...».....	37
Калина.....	38
«Октябрь листву оборвал...».....	38
«Предзимний сезон. Зарядили дожди без конца...».....	39
Тайна.....	39
«Набег непогоды не то чтобы зол и жесток...».....	40
«Предзимья время подошло...».....	40
Стихи.....	41
«С улыбкой на лице и в выраженьях бодрых...».....	41
«Быть может, вновь сойдемся мы...».....	42
«Уже пошли проскальзывать морозы...».....	42
«Под осенние думы...».....	43
Глушь.....	43

«Среди полей среди чужих...»	44
Метель	44
Предчувствие весны	45
Звуки.....	45
Железная дорога.....	46
Скворец	47
«Пусть вечною будет река – новизна...»	47
«Все объявится где-то...»	48
ТЕМА ЖИЗНИ. <i>Поэма</i>	49

Владимир Александрович Шадрин
Тема жизни

Литературный редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Оформление серии – Василий Денисов
Иллюстрация на обложке – Алексей Кирилов

Издательский центр МВГ

E-mail: wgmoses@mail.ru

Тел. (3532) 55-41-99.

Подписано в печать 14.12.2016 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»:
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № ____.

АВТОРАМ

Издательский центр МВГ предлагает начинающим и опытным авторам бесплатную экспертизу рукописей стихов и прозы с профессиональной оценкой на предмет возможности издания отдельной книгой в сериях «Новые имена», «Автограф» или в любом другом формате.

Поможем в поиске спонсоров для издания книг, проведем полную допечатную подготовку рукописи (редактуру, корректуру, иллюстрирование, верстку), согласование оригинал-макета и размещение заказа на печать книги в типографии.

Наши специалисты подготовили и выпустили десятки книг оренбургских писателей (и не только), многие из наших авторов стали лауреатами престижных литературных премий. Грамотно и доброту изданная книга — половина успеха! Остальное зависит от вашего таланта.

Пишите: wgmoses@mail.ru

Звоните: 8-902-365-41-99.

*С уважением,
ваш издатель
Моисеев
Вячеслав
Геннадьевич*